

Камиль
Зиганшин

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЕНОМУ МОРЮ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
3 59

Оформление обложки Татьяны Павловой

ISBN 978-5-389-33520-2

© К. Ф. Зиганшин, 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ПРОЛОГ

Дарья, глядя в окно, мимо которого прошли две девицы, задумалась.

— Чего загрустила, матушка? — обнял ее за плечи гостивший в скиту настоятель монастыря отец Андриан — ее старший сын Изосим.

— Эх, сынок! Ума не приложу, что делать. Где женихов да невест искать? Пять девиц на выданье, а парней, отвечающих Правилу, нет. Либо кровники, либо родственники по кресту¹. Вон и сестра твоя, Елена, тоже в девках, а ей уж за двадцать перевалило. Паша в бобылях ходит, а ты обет дал. Похоже, так и помру без внуков, — вздохнула Дарья.

Изосим задумался:

— Есть у меня одна мысль. Попробую с китайцем поговорить.

— Что еще за китаец? — сразу насторожилась Дарья.

¹ Помимо запрета на брак между родственниками до седьмого колена, следовало соблюдать еще и запрет на брак для родственников по кресту. Так, сыну крестной и ее крестнице тоже нельзя жениться. По этой причине в крестные старались брать из кровной родни. Есть даже поговорка: «Бери пашню ближнюю, а невесту дальнюю».

— Да стал захаживать к нам один из Маньчжурии. Прежде золотарил в наших краях, а когда иностранцам запретили мыть золото и стали жестко преследовать, переключился на контрабанду. С весны до осени успевает сделать на лошадях по тайным тропам четыре ходки. И нам что надобно привозит, а мы ему золотишко, кабарожью струю, пушнину.

— И что? Чем он в нашем деле может помочь? Китайцев, что ли, приведет?

— Ну что ты, матушка! — рассмеялся Изосим. — Он как-то обмолвился, что еще к каким-то бородачам товар возит. Даже ворчал: «Да сто з такое! Как борода так „не мозно, да не мозно“», — изобразил он торговца. — Сдается мне, что это он про наших одновверцев говорил. Ежели мое предположение подтвердится, отправлю его к тебе, как появится.

Когда китаец в очередной раз с навьюченными товаром лошадьми явился в монастырь, Изосим сразу подступился к нему:

— Ван, ты как-то говорил, что еще к каким-то бородачам ходишь. Кто они?

— Бородачи как бородачи. Такие же, как и вы, русские с веревочками.

— Можешь помочь с ними связь установить?

— Бумагу пиши. Передам.

В очередной визит Ван привез ответ от тамошнего наставника. В нем сообщалось, что они беспоповцы и тоже испытывают нужду в невестах и женихах.

На следующий день Изосим отправил китайца с одним из трудников в скит к матери. (Ван, рассчитывая на новых покупателей, согласился без колебаний.)

Обрадованная Дарья ответным письмом пригласила тамошнего наставника с молодыми на смотрины, а Вану вручила длинный список потребных общине товаров.

...На Преображение Господне китаец явился в скит со старообрядцами из неведомой Маньчжурии. Демьян, вышедший на стук в ворота, попросил Вана подождать у заплота, а одноверцев повел в избу Дарьи. Та распорядилась призвать билом народ на меновую торговлю с китайцем, а сама занялась гостями.

Уставщик, сероглазый бородач лет пятидесяти, с темно-русой шевелюрой и такими большими ручищами, что, казалось, не знал, куда их деть: то складывал их на груди, то прятал за спину. От всей его крепко скроенной фигуры веяло надежностью и спокойствием. С ним трое парней. Войдя в горницу, гости разом стянули картузы из сводедельщины и низко поклонились. После чего, повернувшись к образам, сотворили молитву и перекрестились.

— Доброго здравия на многие лета, матушка! Иван Федорович Кулагин, — прогудел старшой. — Это наши ребята: сыновья Харитон, Назар и племянник Устин.

— Благодарствую, что столь споро откликнулись на приглашение!

— Так ведь и у нас интерес имеется.

Заметив, что Дарья с недоумением поглядывает на узкоглазого Устина, пояснил:

— Мать у него китаянка. Но она прошла переправу. Сам Устин крещен по всем правилам, с троекратным полным погружением.

— Каков обличьем — не столь важно. Главное, чтоб в нашей вере был. Мне ближе крещеный китаец, чем некрещеный русский.

— Истину молвите, матушка... Примите от нас скромный, но полезительный для души дар — книги, своеручной работы¹. Одна певческая, еще до Никоновой справы писана, а вторая святителя Епифана.

— Спаси Христос, Иван Федорович! Мы с книгами дружим. Сами знаете, сколь важны эти мудрые советчики. При усердии в них можно найти ответы на любые вопросы.

— То верно. Умная книга завсегда побуждает к размышлению, дает примеры благочестивой жизни.

— С дороги, поди, устали? — спохватилась Дарья.

— Есть чуток. Путь неблизкий, да и тропы малохоженные.

— Паша, будь ласков, проводи гостей на серный источник.

— А далеко ль это? — забеспокоился уставщик.

— С полверсты, но очень советую. Не пожалееете. Бывает, так уломаешься за день, что ноги не держат, а окунешься — такая легкость и благодать, кажется, полетела бы как птица.

Через час посвежевших путников усадили за стол. За трапезой хозяйка любопытствовала:

— Иван Федорович, ну и как вам наш источник?

— Спаси Христос! И в самом деле, словно заново родился, — ответил тот, улыбнувшись.

— Рада, что удовлетворены... В Маньчжурию-то каким ветром общину занесло?

¹ Несмотря на периодические усиления гонений со стороны официальной церкви и властей, старообрядческая книжность с момента раскола интенсивно пополнялась вновь издаваемыми печатными и рукописными книгами.

— Ежели начать с истоков, то предки наши с Гомельской губернии Речи Посполитой. Когда по указу Екатерины прошла вторая выгонка, осели в Забайкалье в Верхнеудинском округе. Пришли туда в тысяча семьсот шестьдесят четвертом году. То достоверно знаю из исповедной росписи.

Жилось там вольготно и покойно, пока не понаехали переселенцы с Малороссии. Оне разврат принесли, ругань, ссоры. Мы, дабы оградиться, составили на сходе приговоры о недопущении чужаков. Поспокойней стало. Но явилась другая беда: начались коллективизация и притеснение со стороны власти. Пришлось, хоть и горько было, оставив дома и возделанные пашни, всей общиной податься в Северный Китай — Маньчжурию.

Добрались без людских потерь, но в дороге лиха хватило стока, что волосы у многих сделались белыми. Половина лошадей пала, оставшиеся выбились из тела. Два года терпели крайнее затруднение, особенно с провиантом. Зато ноне справно живем.

— Чего ж вы на чужбину, на такие мучения ушли? Ведь и в Сибири потайных мест в достатке.

— Так искали. В разные края ходоков посылали. Две семьи с год даже пожили было на Лене, да вертались — вельми хладный край, сказали. А тем, кто в Маньчжурию ходил, тамошний край глянулся. Сказывали, красовитей места не найти: тепло, земля жирная, зверья, рыбы вдосталь.

Днесь не бедствуем, на ноги крепко встали. По первости тамошние семейские нас порядочно поддерживали, а позже японцы. Оне разный инвентарь дали — имели задумку переселить со своих островов

пять миллионов крестьян, а опыта возделывания непривычной для них маньчжурской земли не было. А как война началась, хотели забросить в Россию диверсантами, но мы отказались. Хоть и не любы Советы, идти супротив своих — грех.

В сорок пятом встречали Красную армию цветами, радовались и гордились — победили и германца, и японца. Радовались, пока не познакомились со Смершем. Оне нам: «Кулаки, беглецы! Эва, как живут!» Арестовали наставника Демьяна Дубова. Незаконно-де границу перешел в тридцатых годах... С тех пор о нем ни слуху ни духу. Куды кто делся, не ведомо.

После того нас несколько лет никто не трогал. Мы успокоились. Думали, поживем! Но в сорок девятом явилась напасть с другой стороны. В Китае к власти пришли коммунисты. Нам объявили: «Ваше проживание нежелательно, уезжайте». Кудыть уезжать? Баят, кудыть хотите. Хоть домой, хоть в Боливию, хоть в Бразилию, хоть в Парагвай — оне, мол, согласны принять. Каково русскому бородачу ехать в какой-то неведомый Парагвай?! Голову сломали — как быть?

Приезжали советские консула. Агитировали вернуться на родину, осваивать целинные земли. Гарантировали свободу и разрешение на постройку модельных домов. Переселение предлагали поэтапное, с растянутыми сроками, дабы дать возможность продать скот и имущество, приобрести товары для жизни в СССР.

К середине пятидесятых тысячи наших уехали. По ряду отзывов, судьба многих действительно сло-

жились вполне благополучно. Но мы на сходе решили, чиво через стока годов вертаться — не для того бежали от колхозов. Не стали дожидаться, когда начнут насильно вывозить. Погрузили самое необходимое на телеги и ушли вглубь Большого Хингана — горы такие. Семейские следом подались. Сейчас оне на соседнем ключе живут. Там нас никто не беспокоит. Отстроились. Охота и рыбалка кормят. Изюбра на панты бьем. Ишо наладились тигрят для богатого китайца ловить. Он за них стока платит, што ежели двух взять, то можно год безбедно жить.

— Поди, опасное дело?

— По первости всяко бывало. Опосля наловчились. Перво-наперво мать выстрелами от тигренка отгоним. А как собаки того в круг зажмут, тут не зевай — одеяло накидывай и лапы вяжи.

— Страх какой! — ужаснулась Дарья.

— Мы ж не взрослых. Тех не брать...

— Иван Федорович, а велика ли ваша община?

— На двадцать семь дымов сто шестьдесят девять душ.

— Окромя тигров какой еще зверь в вашем Хингане водится? — встрял свекор Дарьи — дед Елисей.

— Много хто. Зайцев и рябцов не считаю. Из крупного — изюбр, лось, пятнистый олень, горалы. Медведь, конечно. Даже красные волки заходят. Леопарды, сказывают, есть. Правда, мы не встречали. Боле всего кабанов. О! Чуть не забыл — гималайский медведь имеется, его ишо древесным, за то што любит по деревьям лазать, кличут. Его тоже вдосталь. Окромя того, многочисленны еноты. Я их в паводок

десятками на островах снимал. Жирные, будто бочонки. Само собой, всякое пушное зверье. Из редких непальская куница — харза.

Во время вечернего богослужения «китайцы» порадовали хозяев проникновенным, слитным песнопением по крюковым знакам.

— Баско у вас получается, до самого сердца пронали, — похвалила Дарья.

— А нам отрадно, что служба у вас по чину, — отозвался Иван Федорович.

— Как исстари Вселенскими соборами установлено, так и исповедуем. Не можем отступить от отеческих правил, — ответила довольная Дарья.

Изредка поглядывая на уставщика, она поймала себя на мысли, что он глянется ей и как мужчина. Заметила, что и она ему нравится. (Женщины чувствуют и понимают такие вещи без слов.) Ей, конечно, было приятно, что в свои года сохранила привлекательность, но в то же время стыдилась и осуждала себя за бабий интерес к гостю. Даже невольно подумала: может, была слишком строга к Корнею? Жили-то душа в душу... От нахлынувших воспоминаний сердце защемило. Дарья вдруг поняла, что до сих пор любит мужа...

Елену, как она и предполагала, сосватал Харитон — сын уставщика. На смотринах он не сводил с нее глаз. Елена действительно была красавицей. К тому же от нее исходили такое тепло и внутренний свет, что любой человек сразу же проникался к ней симпатией.

Любу, дочь Матвея, выбрал чернявый племянник Устин. А вот Назар невесту по душе не нашел — ему тоже сразу глянулась Елена, но он не стал соперничать со старшим братом.

Иван Федорович, видя, что Дарья озабочена, успокоил:

— Теперь дорогу знаем, не раз придем. Молодежь ишо имеется.

После рукобития наставники обручили молодых по уставу.

«Аз тя посягаю жену мою Елену», — торжественно, не сводя восторженных глаз с избранницы, произнес Харитон. Она отвечала: «Аз тя посягаю мужа раба Божьего Харитона». Так они повторили три раза. То же самое произнесли Устин с Любашей.

Дарья, с трудом сдерживая слезы, взяла икону и подошла к молодым: «Благословляю вас, чадо наши, ликом Господним на честный брак, телу на здравие, душам на спасение. Помните, там, где любовь, — там Бог, где совет — там свет, без совету, без любви в доме стены пусты». После этого Иван Федорович прочитал «Поучение новобрачным».

Молодухам заплели волосы в две косы и надели шашмуру — головной убор замужней женщины. А те повязали мужьям, в дополнение к узким повседневным поясам, собственноручно тканые широкие пояса с кистями, для ношения по праздникам. На Еленином было вышито «Люблю сердечно, дарю навечно». А на Любашином — «Господь хранит душу, покаохранишь мой пояс».

По завершении обряда молодожены, трижды поклонившись родителям, пригласили всех к свадеб-

ному столу. Прочитав хором все положенные молитвы, приступили к трапезе, во время которой гости по очереди вручали поклоны — подарки.

Подходили, одаривая молодых, по старшинству. Первыми подошли Еленины дед с бабкой. Елисей вручил парням сшитые им самим поняги¹ из кожи, а Ольга, молвив молодухам: «Мужа послушаться — Бога оскорбить», накинула каждой на плечи по вязаному платку.

Трапезничали поначалу безмолвно, но ядреная брага свое взяла. Потихоньку расшевелились, разговорились, запели песни. Матвей с супружницей пустились в пляс. Да с таким задором, что и остальные присоединились. Захмелевшая Дарья тоже вышла в круг: пусть маньчжурцы знают, что варлаамовцы умеют веселиться. Молодые же сидели чинно, брагу не пили.

Гуляли, бражничали, похмелялись три дня. Прощание было грустным. Мать Любаши рыдала в голос. Да и Дарья из последних сил держалась. Лишь напоследок, уже у ворот, всплакнула. Обняла молодых, смахнула слезу: «Свидимся ли когда, дитятко мое ненаглядное?! — И, обращаясь к зятю, добавила: — Береги, не обижай мою дочушку. Будешь холить, лелеять — будешь как сыр в масле кататься».

Иван Федорович был доволен: ему после брачной ночи доложили, что невесты непорочны.

С молодыми в маньчжурский скит отправились Паша и трое ребят из пещерников. Павел долго упирался, отговаривался — привык холостяковать, но

¹ *Поняга* — сибирский аналог рюкзака.

мать настояла: невестка ей нужна была теперь до крайности. Выдав Елену, она осталась без помощницы. Свекровь уже не в счет: едва по дому ходит.

— Паша, ты там больно не привередничай. Гляди не лицо, гляди сердце. Главное, чтобы добрая была да работающая. Красота ведь до венца, а ум и душа — до конца, — напутствовала она сына.

По дороге завернули в монастырь. Там и переночевали. Корней благословил дочь, а с сыном разговора не получилось — тот все время молчал, отвечал односложно: так и не смог простить обиды безотцовщины. Корней и не обижался. Понимал: как разрубленную веревку ни связывай, узел все равно останется.

Через месяц варлаамовцы вернулись в удвоенном составе. Дарья лишь только глянула на выбор сына, так и расцвела. До того пригожа была Катюша: милая, ласковая. А со временем убедилась, что и в делах она расторопна и умела.

Жизнь в скиту текла по незыблемому распорядку. Сотворив утреннюю молитву, каждый испрашивал у родителей, а при их отсутствии — у старших по возрасту благословение на предстоящее дело. После этого принимались за работу. День завершали вечерним правилом. Благодаря мудрости и душевному теплу Дарьи в общине царила атмосфера любви и уважения.

Несмотря на строгий распорядок и тяжелый труд, люди в этой глухомани не утратили тягу к красоте. Старались не только опрятно и со вкусом одеваться,

но из года в год прихорашивали отстроенные после пожара жилища.

Окна обрамляли, каждый на свой лад, затейливыми наличниками со сквозной резьбой. Ставни украшали узорчатыми росписями, а стены внутри дома — порхающими среди деревьев птицами, цветами и непрменным единорогом — символом силы и свободы. Все это делало жилище похожим на цветущий райский сад.

Цветистым орнаментом разрисовывали не только стены, но и печи, матицы, двери, стулья. У иных узорочье было даже на прялках и посуде. Все это ласкало глаз, создавало праздничный настрой даже в хмурые осенне-зимние дни.

Хозяева, обновляя росписи, старались заполучить Капитона, самого даровитого в этом деле.

Сряда¹ тоже всячески украшалась. При этом особый упор делался на вышивку, на ее яркость и неповторимость узора. Наряды бережно хранили и надевали лишь по великим праздникам. По мере необходимости подновляли, освежали. Но и к повседневной одежде относились крайне бережно. Кроили безостатковым способом, а самые лучшие ткани использовали лишь для видимых частей костюма: воротников и фартуков.

Рукоделию обучали с малых лет. К семи годам девочки уже умели прясть и вышивать. К десяти-двенадцати, когда начинали готовить приданое, самостоятельно ткали в разной технике; кроили, шили простые фасоны. Небрежность резко осуждалась.

¹ Сряда — нарядная одежда.

Говорили — «худую», неумелую никто замуж не возьмет.

Мальчиков учили не только плотничать и столярничать, но и рыбачить, охотиться, заготавливать дрова. А всех вместе — грамоте и Закону Божьему.

Обучение велось как в семье, так и в школе. Правда, после смерти наставника Григория школа какое-то время бездействовала. Дарья, помня его слова: «Если в детстве не будем говорить с детьми о Боге, то в старости будем говорить с Богом о детях», решила возобновить занятия. Особенно необходимы они были для детей пещерников. Рассудив, что лучше Паши для этого никого не найти: начитанный и спокойный, убедила сына взять на себя школу.

Занятия Павел Корнеевич начал с изучения Азбучки. Освоив ее, перешли к чтению Ветхого Завета и Пятикнижью.

Попутно учили наизусть «Символ веры» и сороковой псалом («Отче наш» и «Богородице Дева, радуйся» дети знали с малолетства). Учили так, чтобы помнить до смертного часа. В хорошую погоду уроки проводил прямо на лужайке перед школой или на берегу Глухоманки.

Прочитав очередную главу Ветхого Завета, растолковывал ребятам ее суть на примерах из жизни общины. Попутно ненавязчиво разъяснял смысл требований Устава, писанного старцем Варлаамом.

Кому-то учение давалось легко, а с кем-то приходилось оставаться и заниматься дополнительно. Ремеслам же детей обучали другие члены общины, каждый по своей части.

* * *

Хорошо это или плохо, но жизнь Создателем устроена так, что покой и благодать не длятся вечно. В 7463 году со дня сотворения Мира (1957) лета практически не было. Каждый день дождь, холодный, порывистый ветер. А в конце июня двое суток кряду валил снег. Погибло почти все звериное и птичье потомство. Выживших добила бескормица: не уродились ни ягоды, ни орехи, ни грибы. Холодное лето больше всех огорчало детвору — вода в Глухоманке была такой студеной, что ни разу не искупались.

Надежду на благополучную зимовку скитникам давала навяленная рыба. Ее, к счастью, в речке и озере не убавилось. Да и гусей во время линьки худобно набить удалось. А вот набрать кедровых орехов и брусёны из-за неурожая не получилось. Посему упор сделали на съедобные коренья. В общем, голод общине не грозил.

* * *

А вот обитатели монастыря от сюрпризов непогоды пострадали изрядно. У них за лето снег выпадал дважды. Первый, в июне, погубил всходы яровых и буквально припечатал к земле озимую рожь. Заодно тяжелым снежным саваном переломало деревья. Второй добил остатки того, что уцелело. Посему монастырским, чтобы посеять озимые¹ и оста-

¹ Озимые сеют с конца августа по начало сентября, чтобы до снега ростки успели вырасти до 10–12 сантиметров.

вить зерно на весеннюю страду, пришлось резко ограничить выпечку хлеба.

Все понимали, что следует подналечь на рыбалку и охоту. Мужики уходили в обедневшую тайгу на несколько дней, но с добычей возвращались редко.

У Корнея к тому времени рана на культе зажила, и он, смастерив протез, учился ходить на нем. Первая конструкция оказалась неудачной: протез то и дело съезжал и культю пронзала острая боль. Пытаясь хоть как-то улучшить конструкцию, поместил протез в кожаную гильзу, плотно облегающую культю. Два поперечных ремня надежно фиксировали ее и обеспечивали равномерное распределение нагрузки при ходьбе.

Первое время Корней прогуливался лишь по территории монастыря. Когда кожа достаточно огрубела, стал выходить за ворота, где собирал дикоросы, а пообвыкшись, и в тайгу на охоту, как правило удачную.

Старший сын Корнея — Изосим, он же настоятель монастыря, отец Андриан, обиды на отца за то, что тот ушел из семьи, не поминал и вел себя уважительно.

...За время, пока заживала культя, Корней стал завсегдатаем монастырской библиотеки. В ней нашлось и несколько книг по географии. Больше всего нравилось ему разглядывать карты в большом, увесистом фолианте «Атласъ Россійской имперіи». Часами рассматривая хребты, затейливые нити рек и речушек, он вживую представлял эту местность.

Чаще всего раскрывал разворот, на котором были изображены река Лена и впадающий в нее Алдан.

(Кружочек, обозначающий город Алдан¹, на его извилистой ниточке почему-то отсутствовал.) Определив по характерной излучине место впадения Глухоманки, Корней отправлялся в мысленное путешествие по загогулинам русла, то приближаясь, то отдаляясь от Верхоянского хребта, до голубого поля с надписью «Северный океан».

Когда он первый раз прочитал эту надпись, ему представилось громадное, бескрайнее озеро. Особенно потрясла Корнея его глубина. Судя по отметкам на карте, она в некоторых местах превышала две тысячи метров. «Сколько же лет реки заполняли эту ямину? Пожалуй, не одну тысячу», — удивлялся он.

Корнею так нравились странствия по картам, что он мог просидеть над атласом по несколько часов кряду.

Эти воображаемые путешествия распаляли его фантазию. Неведомые горы и прихотливые извивы рек представляли перед его мысленным взором так четко, что он «видел» их в мельчайших деталях.

Юла, сидящая в нем, набирая обороты, пробуждала желание отправиться-таки к загадочному Студеному морю, известному ему из сказок эвенкийской бабушки.

Прознав, что один из монастырских трудников много раз хаживал с экспедициями по побережью Северного океана, Корней зазвал его к себе.

Долговязый, сутуловатый бородач с умными серыми глазами в свои сорок с небольшим действительно исходил весь Север, любил его и мог расска-

¹ Алдан был основан в 1923 году (городом стал в 1932-м), а атлас издан в 1912-м.

Зиганшин К.

З 59 Хождение к Студеному морю : роман / Камиль Зиганшин. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 448 с.

ISBN 978-5-389-33520-2

Роман-эпопею Камилля Зиганшина по масштабу замысла и мастерству исполнения можно сравнивать с «Одиссеей» или «Тихим Доном». Сага эта посвящена не менее важной, чем донское казачество, части русского народа — старообрядцам.

«Хождение к Студеному морю» продолжает сагу Зиганшина «Золото Алдана», посвященную жизни старообрядческой общины, чей столетний путь пролег от Ветлужских лесов за Урал, в Сибирь и Забайкальский край и, наконец, к Алданскому нагорью Якутии. Главный герой, Корней Кузовкин, пройдя сквозь множество испытаний, возвращается в родной скит, но в его душе по-прежнему жива детская мечта — увидеть Студеный океан. И ради него он отправится пешком через всю Чукотку.

Сага «Золото Алдана» посвящена подвигу людей, которые сберегли в нетронутой чистоте древнюю русскую культуру и религиозность, дали пример удивительной духовной стойкости и многовековой преданности своей вере. Раскол — один из тяжелейших шрамов, оставшихся на теле русской цивилизации, и одновременно удивительно жизнеутверждающее свидетельство стойкости русского народа и его способности ужиться и ладить с людьми иных культур и вероисповеданий.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

КАМИЛЬ ФАРУХШИНОВИЧ ЗИГАНШИН
ХОЖДЕНИЕ К СТУДЕНОМУ МОРЮ

Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Алины Леонтьевой
Корректоры Алиса Павлова, Ольга Попова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 20.07.2026.
Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 23,52. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68	Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Обществе с ограниченной ответственностью
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: 8(49564) 28-619

A-LMR-42890-01-R